

Дзапарова Елизавета Борисовна

**"АШИК-КЕРИБ" М. Ю. ЛЕРМОНТОВА В ЗЕРКАЛЕ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПЕРЕВОДА:
ПРОБЛЕМА ПЕРЕДАЧИ НАЦИОНАЛЬНОЙ СПЕЦИФИКИ ТЕКСТА**

В статье рассматривается осетиноязычный перевод сказки М. Ю. Лермонтова "Ашик-Кериб" в сопоставлении с оригиналом. На основе сравнительно-сопоставительного анализа разноязычных текстов выявляются способы передачи в переводе национальной специфики оригинала. Отдельное внимание автором уделяется передаче образной лексики, единиц с национально-культурным компонентом. В ходе анализа устанавливаются способы достижения адекватного отражения в переводе прагматики исходного текста.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2015/11-1/17.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2015. № 11(53): в 3-х ч. Ч. I. С. 76-78. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2015/11-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

УДК 81'255.2/821.221.18

Филологические науки

В статье рассматривается осетиноязычный перевод сказки М. Ю. Лермонтова «Ашик-Кериб» в сопоставлении с оригиналом. На основе сравнительно-сопоставительного анализа разноязычных текстов выявляются способы передачи в переводе национальной специфики оригинала. Отдельное внимание автором уделяется передаче образной лексики, единиц с национально-культурным компонентом. В ходе анализа устанавливаются способы достижения адекватного отражения в переводе прагматики исходного текста.

Ключевые слова и фразы: национальный колорит; эквивалент; прагматика; слова-реалии; фразеологическая единица; образность; единица перевода.

Дзапарова Елизавета Борисовна, к. филол. н.

Северо-Осетинский институт гуманитарных и социальных исследований им. В. И. Абаева

Владикавказского научного центра Российской академии наук

и Правительства Республики Северная Осетия-Алания

l-dzaparova@mail.ru

«АШИК-КЕРИБ» М. Ю. ЛЕРМОНТОВА В ЗЕРКАЛЕ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПЕРЕВОДА: ПРОБЛЕМА ПЕРЕДАЧИ НАЦИОНАЛЬНОЙ СПЕЦИФИКИ ТЕКСТА[©]

Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 15-04-18033.

«Ашик-Кериб» М. Ю. Лермонтова был записан великим русским писателем во время его первой ссылки в 1837 году. Как известно, Лермонтов, взяв за основу фольклорный сюжет о певце Ашик-Керибе (Ашуг-Гарибе), распространенный в Закавказье, Средней Азии и на Ближнем Востоке, создал свое оригинальное произведение, отличающееся от всех вариантов народной сказки. Но грузинская, азербайджанская или армянская версия была положена в основу сказки Лермонтова – вопрос, до сих пор волнующий лермонтоведов.

В рамках своей жанровой специфики произведение Лермонтова становилось объектом исследования лингвистов, фольклористов. Привлекало оно внимание и специалистов в области теории и практики художественного перевода. «Ашик-Кериб» М. Лермонтова переводился на многие языки стран бывшего СССР, издавался он и за рубежом [12].

Не обошли вниманием творчество М. Лермонтова и осетинские переводчики [3; 5]. Традиция переводов лермонтовской прозы на осетинский язык была заложена переводом сказки «Ашик-Кериб». В 1915 году она была издана в переводе известного осетинского просветителя, этнографа, собирателя устного народного творчества Цоцко Амбалова. Произведение переводилось и позднее А. Маккаевым (1938 г.).

Цель нашего исследования – рассмотреть сказку Лермонтова на предмет адекватной передачи в осетинском переводе национальной специфики исходного текста, лексических единиц с национально-культурным компонентом. Для этого обратимся к сравнительно-сопоставительному анализу разноязычных текстов.

Прежде чем приступить к сличению текстов (оригинала и перевода), необходимо обратить внимание на перевод названия сказки. Здесь Ц. Амбалов сопровождает его небольшим пояснением «Ашик-Кериб (фæндырдзæгъдаг)» (дословно с осет. «Ашик-Кериб (гармонист)»). Но герой этой сказки играл вовсе не на гармонии, а на саазе (турецкой балалайке).

Переводчик сохранил присущую для данного фольклорного жанра композицию. Осетиноязычный текст Лермонтова также начинается с зачина: «Давно тому назад, в городе Тифлизе, жил один богатый турок...» [7, с. 447] – «Раджыма-раджыма царди æмæ уыди Калачы иу хъæздыг туркаг» [8, с. 133]. / с осет. «Давным-давно жил и был в Калаке один богатый турок». Как видим, переводчик сохранил неопределенность времени действия и использовал повтор (*раджыма-раджыма* – давным-давно), который наиболее характерен для традиционной фольклорной сказки. И впоследствии Амбалов отражает в переводе основные сюжетные линии исходного текста: обещания Ашик-Кериба в вечной любви к Магуль-Мегери, скитания героя и его приключения, волшебное возвращение домой, узнавание героя, счастливый конец. Место действия у Ц. Амбалова «Калак» – осетинское название топонима «Тифлис».

С первых страниц сказки М. Лермонтов с удивительной точностью воспроизводит быт и жизнь другого народа. Произведение насыщено лексическими единицами, отражающими восточный колорит. Для переводчика художественного текста подобная лексика всегда вызывает особые затруднения. Недооценка межкультурных различий может привести к искажению не только оригинала, но и перевода. Переводчик, с одной стороны, должен сохранить авторские культурные маркеры, а с другой – помочь реципиенту понять принимающую культуру.

Передача слов-реалий в художественном переводе является наиболее сложной, иногда почти невыполнимой задачей для переводчика. Через данные единицы языка можно получить информацию о народе, его истории и культуре. Поэтому вопрос об их адекватной передаче при переводе один из главных. При передаче

слов-реалий переводчик должен избегать искусственных конструкций, тяжеловесных и непривычных для языка перевода. В этом случае теоретики перевода предлагают использовать описательный перевод. Но, как пишет Р. К. Миньяр-Белоручев: «Этот прием имеет и недостатки, главный из которых заключается в том, что некоторые описания получаются громоздкими и выглядят инородным телом в тексте перевода» [10, с. 95].

В тексте сказки М. Лермонтова в изобилии присутствует экзотическая лексика – слова из азербайджанского языка: «ага» / господин, «ана» / мать, «оглан» / юноша, «рашид» / храбрый, «сааз» / балалайка и др. В исходном тексте немало других слов, отражающих особенности быта другого народа: «бек», «керван», «всемогущий Аллах», «минарет», «намаз», «чауши», «караван-сарай», «селям-алейкум» и т.д.

Для сохранения национального колорита переводчик механически переносит в текст слова-реалии, максимально воспроизводя их фонетическую / графическую форму: «огълан (лæппу)», «Аяк-Ага (фыд)», «каравансарай», «агъа», «сааз (авдтаенон фæндыр)», «Бек», «намаз», «салам-алейкум», «паиша». Как видим, в переводном тексте остались слова-реалии, требующие для реципиента пояснений.

В других же случаях Амбалов, хорошо зная значение единиц перевода, находит в переводящем языке эквиваленты: «керван» / «балиц», «минарет» / «азанхъæргæнæнтæ (дзылæттæ)», «чауши» / «къуджытæ».

Семантику некоторых незнакомых и русскому читателю слов раскрывает сам Лермонтов: «Кериб / нищий», «Рашид / храбрый», «Ашик / певец». В этом случае переводчику необходимо было лишь подобрать эквиваленты. Но Цоцко Амбалов не всегда находил языковые параллели и использовал единицы с другими значениями. Читаем: «кериб / бæлцон / с осет. “путник”», «Рашид / ома, халларзæрдæ / с осет. “добросердечный”, “великодушный”», «ашик / фæндырдзæгъдæг / с осет. “гармонист”».

Стремление к адекватной передаче исходного текста побуждало переводчика донести до реципиента значения всех незнакомых им слов. Поэтому Амбалов нередко прибегал к эквивалентной замене: «газель» / «дæ зæрдæйы уидаг», «ана / мать» / «нана», «Маулям / создатель» / «нæ кæнæг Хуыцау».

Обращает на себя внимание упоминание в тексте мусульманского пророка Хадерилиаза. Сам автор Лермонтов объясняет его как *святой Георгий*. Одни специалисты считают это прямой ошибкой автора (Вс. Миллер см. [9, с. 27]), другие – усматривают в этом влияние на текст Лермонтова грузинского и армянского фольклора, где часто наблюдается смешение этих двух образов.

В переводе Ц. Амбалов образ Хадерилиаза (св. Георгий) интерпретирует как «сызгъæрин Уастырджы».

Отождествление образов Хызра (Хадерилиаз – соединение имен Хызра и Ильеса) и Уастырджи можно встретить и в фольклоре турецких осетин. Во многих фольклорных текстах анатолийских осетин наблюдается смешение двух мифологических образов (исламского и осетинского). Так, во время экспедиции в Турцию с целью комплексного изучения этнографии, языка, фольклора анатолийских осетин (июнь 2015 г.) 104-летнему информатору Хосоновой Хадизат, при упоминании нами осетинского божества Уастырджи (Лæгты Дзуар), вспомнился образ Хызра. В рассказанных ею легендах о Хызре можно проследить аналогию исламского пророка с божеством осетинской мифологии, проследить схожие признаки у двух образов. Оба являются покровителями путников, являются посредниками между Аллахом / Хуыцау и людьми, появляются внезапно среди людей в облике бедных стариков. В рассказанных информатором текстах Хызр при выполнении / невыполнении определенного задания / просьбы может избавить человека от бедности или предать проклятию. В некоторой степени эти функции созвучны с деятельностью божества осетинского пантеона.

Одними из носителей национального колорита в тексте являются собственные имена: антропонимы и топонимы. Сохранение данных единиц в выходном тексте чаще всего для переводчиков не составляет особого труда [4]. Так и при передаче имен собственных сказки «Ашик-Кериб» переводчик Цоцко Амбалов использовал транскрипцию / транслитерацию: «Магул-Мегери», «Ашик-Кериб», «Арзениан-хох», «Халаф» – «Галаф», «Куришуд-Бек» – «Хуришуд-Бек», «Карс» – «Хъарс» и т.д.

Самой яркой отличительной чертой именно художественного текста является активное использование стилистических фигур и тропов. Ценность их в тексте заключается в том, что они помогают раскрыть в объекте, кроме основного признака, ряд дополнительных признаков, и это обогащает художественное впечатление. Кроме того: «...образность языковых средств несет в себе информацию не только об изображаемых предметах или событиях, но и заключает в себе сведения о личности субъекта речи – автора или персонажа – о строе его мыслей и чувств, об отношении к окружающему миру, о принадлежности к определенной нации, культурной, профессиональной или территориальной среде» [1, с. 55].

Национальный колорит сказки проявляется и в образной лексике, в средствах художественной выразительности. К ним можно отнести яркие эпитеты и сравнения. Используемые в сказке Лермонтова образные средства выражения придают языку и стилю писателя неповторимую окраску. Эпитетов, встречающихся в сказке немного, но они максимально сохранены в переводе. Сохранение эпитетов в тексте, по мнению теоретиков перевода Л. Л. Нелюбина и Г. Т. Хухуни, является весьма важным, так как в них заключается, главным образом, своеобразность писателя [11, с. 298-299].

Приведем примеры эпитетов в оригинале и в переводе Ц. Амбалова: «бедный Ашик-Кериб» / «мæгуыр Ашик-Кериб»; «высокое сердце» / «бæрзонд зæрдæйы хицау»; «милая» / «мæ хуры хай» / с осет. «мое солнышко»; «жаркие слезы» / «судзаг цæссыг»; «сладкозвучный сааз» / «адджын хъæргæнæг сааз»; «газель» / «зæрдæйы уидаг» / с осет. «корень сердца». Как легко заметить, при переводе эпитетов переводчик нигде не прибегает к невыразительным, тусклым копиям, а мастерски воссоздает на осетинском языке поэтику оригинала, его своеобразие.

Примером идеального перевода в тексте является перевод сравнительных конструкций, богато представленных у Лермонтова. Амбалов нигде не прибегает к трансформации исходных единиц, а переводит сравнения

так же: образ – тем же образом. Приведем примеры: «он стал грустен, как зимнее небо» / «æраенкæрд зымæгон арæау», «девушка порхнула прочь, как птичка» / «чызг маргæау атахт», «только пыль вилась за ним змею по гладкому полю» / «æрмаест ма йæ бæхы рыг калмау зынди лæгъз быдыры», «конь летит, как ветер» / «дымгæйы тахт куы кæны дæ бæх», «он скакал быстро, как плясун по канату» / «уый уади бæндаенылкафæджы хуызæн». Полный семантический перевод сравнительных оборотов исходного языка позволил переводчику Ц. Амбалову сохранить прагматическое значение переводимых единиц.

Носителями культурно-национального колорита в тексте Лермонтова являются фразеологические единицы [6]. При передаче фразеологизмов не всегда, на наш взгляд, проявляет себя принцип абсолютной эквивалентности. Местами переводчик меняет один из компонентов фразеологического оборота: «положить зарок на свою душу» / «уаргъ сæвæрдтон махиуыл» / с осет. «положил на себя я ношу». Изменение состава фразеологического оборота в переводе, как кажется, меняет его смысл. С изменением лексического состава фразеологизма и его значения мы сталкиваемся в следующем примере: «схватил себя за голову» / «сагъдау аздад» / с осет. «встал, как вкопанный». Первоначальная фразеологизма со значением «огорчиться; прийти в ужас» в переводе заменяется другой единицей с несколько иной смысловой емкостью – «замереть на одном месте от удивления».

Приведем пример перевода следующего словосочетания: «взял на дорогу ее благословение» / «уый йæ балцмæ пахуымпарыл, зæдтæ æмæ дауджытыл бафæдзæхста». Здесь в переводе мы наблюдаем подмену одного колорита другим. В осетиноязычном отрывке присутствуют персонажи осетинской мифологии и нартовского эпоса «зæдтæ», «дауджытæ» – низшие духи, упоминающие осетинами в молитвах. В эпосе «выступают как земные жители, враждебно относящиеся к Нартам и постоянно с ними воюющие; гибнут от рук многих нартов, в частности Батрадза» [2, с. 58].

Таким образом, перевод сказки М. Лермонтова показал, что не всегда передача национального колорита исходного текста может быть достигнута в совершенстве. Иногда переводчик жертвует единицами перевода в угоду полного донесения до реципиента содержания текста. Переводчик Амбалов местами стремился адаптировать текст под осетинского читателя, внося в переводной текст традиционные для осетинской действительности образы.

Список литературы

1. Влахов С., Флорин С. Непереваемое в переводе. Изд-е 2-е, испр. и доп. М.: Высшая школа, 1986. 416 с.
2. Дзадзиев А. Б., Дзуцев Х. В., Караев С. М. Этнография и мифология осетин: краткий словарь. Владикавказ, 1994. 284 с.
3. Дзапарова Е. Б. Грис Плиев – переводчик русской классической литературы на осетинский язык (на материале перевода лирических произведений М. Ю. Лермонтова) // Гриш Плиев: поэт, драматург, переводчик: сб. статей / ред. и сост. Е. Б. Дзапарова. Владикавказ, 2014. С. 126-147.
4. Дзапарова Е. Б. Имена собственные в зеркале художественного перевода [Электронный ресурс] // Современные проблемы науки и образования. 2014. № 5. URL: <http://www.science-education.ru/119-14666> (дата обращения: 24.09.2015).
5. Дзапарова Е. Б. Мастерство переводчика (перевод Х. Д. Цомаевым романа М. Ю. Лермонтова «Герой нашего времени» на осетинский язык) // Б. А. Алборов и проблемы кавказоведения: мат-лы региональной науч. конф., посвященной 120-летию со дня рождения Б. А. Алборова. Владикавказ, 2006. С. 196-207.
6. Дзапарова Е. Б. Особенности передачи в художественном переводе фразеологических единиц с ярко выраженной национальной спецификой // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2013. № 6 (24). Ч. 2. С. 87-90.
7. Лермонтов М. Ю. Ашик-Кериб. Турецкая сказка // Лермонтов М. Ю. Сочинения: в 2-х т. / сост. и комм. И. С. Чистовой. М.: Правда, 1990. Т. 2. С. 447-454.
8. Лермонтов М. Ю. Ашик-Кериб (фæндырдзæгъдаг). Туркаг аргæау // Лермонтов М. Ю. Равзæрст уацмыстæ. Орджоникидзе: Ир, 1981. С. 133-141.
9. Мануйлов В. А. М. Ю. Лермонтов и его запись сказки «Ашик-Кериб» // Ашик-Кериб: сб. статей. Л., 1941. С. 5-41.
10. Миньяр-Белоручев Р. К. Теория и методы перевода. М.: Московский Лицей, 1996. 208 с.
11. Нелюбин Л. Л., Хухун Г. Т. Наука о переводе (история и теория с древнейших времен до наших дней): учебное пособие. М.: Флинта; МПСИ, 2006. 416 с.
12. Федоров А. В., Аринштейн Л. М., Данилевский Р. Ю. Переводы // Лермонтовская энциклопедия / гл. ред. В. А. Мануйлов. М.: Советская Энциклопедия, 1981. С. 370-371.

“ASHIK-KERIB” BY M. YU. LERMONTOV IN THE MIRROR OF AN ARTISTIC TRANSLATION: THE PROBLEM OF TRANSMISSION OF A NATIONAL SPECIFICITY OF A TEXT

Dzaparova Elizaveta Borisovna, Ph. D. in Philology

V. I. Abaev North-Ossetian Institute of Humanities and Social Studies of Vladikavkaz Scientific Center
of the Russian Academy of Sciences and Government of the Republic of North Ossetia-Alania
l-dzaparova@mail.ru

The article examines the Ossetian translation of the fairy-tale by M. Yu. Lermontov “Ashik-Kerib” in comparison with the original. On the basis of comparative analysis of multilingual texts the means of transmission of national specificity of the original in the translation are revealed. Separate attention is paid to the transmission of an image vocabulary, units with national-cultural component. While conducting the analysis the means of achievement of an adequate reflection of pragmatics of an original text in the translation are established.

Key words and phrases: national colouring; equivalent; pragmatics; words-realities; phraseological units; imagery; unit of translation.